

О.А. Печурина

«МАЙСКИЙ ШЕСТ»: СИНТЕЗ МИФА, ТАНЦА И ТЕХНОЛОГИИ ПЛЕТЕНИЯ

21 июня 2014 г. в Санкт-Петербургском университете культуры силами кафедры народного танца под руководством З.Д. Лянгольф была проведена реконструкция танца вокруг майского шеста с цветными лентами (рис. 1). Студенты меняли свое положение вокруг шеста в соответствии с обычаями немцев и англичан (рис. 1а, б). Во время танца, воспроизводящего движения, принятые в ритуалах у европейцев, происходит переплетение лент вокруг шеста в соответствии с технологией диагонального переплетения (рис. 1в), получается устойчивая плетеная конструкция (рис. 1г, д).

Задача статьи — понять семантику создаваемой во время ритуала плетеной конструкции, а также исторический, социокультурный генезис ее происхождения, связанный с семантикой деревьев, столбов, шестов — важнейших компонентов магических и мифологических представлений в большинстве этнических культур планеты. Поэтому понять их семантику в ритуалах и обрядах многих народов возможно лишь при сравнительном анализе. Представляется интересным рассмотреть изменение семантики деревьев, столбов, шестов, появление дополнительных семантических функций в связи с изменением образа жизни и деятельности этносов и объяснить семантику «майского шеста».

В центре этих ритуалов в качестве объектов социального действия выступают дерево (часто с ободранной корой и ветвями, кроме верхушки), столб, шест. Самый простой вариант ритуального акта описан в начале XX в. этнографом, наблюдавшим племя охотников и собирателей кубу, живущих в джунглях Восточной Суматры. Большая часть кубу ведет кочевой образ жизни. По описанию, кубу совершали ритуальный танец. Из леса было принесено зеленое дерево высотой 3 м и вкопано в землю на свободной площадке. Под ним сели два игрока на тамбуринах, вокруг них на возвышении — женщины и дети, сопровождавшие танец однообразным криком. Сам танец выполнялся в виде гусяного марша мужчин по кругу,

а

б

в

г

д

Рис. 1. Реконструкция «майского шеста» силами студентов Санкт-Петербургского университета культуры (кафедра народного танца)

Рис. 2. Малим племени кубу (колдун) в танцевальной позе во время танца вокруг дерева [Народы мира 1916: 176]

которые держались обеими руками за бедра своего переднего соседа, вокруг вкопанного дерева. Впереди маршировали два колдуна, способных вступать в общение с духами (рис. 2) [Религии... 1931: 177]. Кубу танцуют этот танец, когда хотят связаться с добрыми духами и отвлечь угрозу болезней и бед. Малим здесь выступает в качестве медиума между добрыми духами и людьми, а дерево — в качестве посредника и оберега для членов общества.

В XVIII в. С.П. Крашенинников описывал праздник «очищения грехов» у камчадалов (ительменов), занимавшихся рыбной ловлей, охотой и собирательством. Праздник этот знаменовал завершение

хозяйственного цикла. Он представлял собой сложный комплекс ритуалов, следовавших один за другим. Центральным объектом ритуального комплекса являлось березовое дерево. Члены племени принесли срубленную березу и втаскивали ее через дымоходное отверстие в юрту, причем женщины активно тянули ее. «Словно бешеная, выскочила из угла девушка, которая, взбежав по лестнице, схватилась за березу, к ней на помощь кинулось еще с десятка женщин, однако стоявший на лестнице тойон (старший) не подпустил их. Между тем березу постепенно спускали все ниже и ниже, и, наконец, до нее стало возможным дотянуться с пола. Тогда все женщины, схватившись за березу, стали приплясывать, тянуть ее со страшным криком в юрту» [Крашенинников 1948: 203]. После многочисленных ритуалов в юрту были принесены березовые прутья по числу семей. Каждый камчадал взял по одному пруту и, согнув его

в форме кольца, пропускал сквозь него по два раза жену и детей. Это считалось у камчадалов очищением грехов. По окончании все камчадалы с прутьями в руках вышли из юрты. Вне юрты они вторично проходили сквозь березовые кольца, а затем воткнули их в снег [Там же: 206]. Функции, которые выполняет береза и ее ветки, — защита, очищение. Береза, обладающая мистическими жизненными силами, выступает оберегом и может магическим образом влиять на излечение болезней. Поэтому так неистово хваталась за нее, а потом за ветки, свернутые кольцом, больная девушка.

Праздник «очищения грехов», описанный С.П. Крашенинниковым, можно рассматривать как календарный. Календарная обрядность символизирует собой переход от старого к новому, связана с цикличностью сезонных работ, магией плодородия, поголовья скота, благополучием рода, здоровьем, долголетием. Т.Ю. Сем описал праздник Эвинэк у эвенков, который проводился в мае и посвящался весеннему обновлению природы. Эвенки занимались охотой, речным рыболовством, оленеводством. Этот обряд проводился на священном месте — у двух ритуальных деревьев, соединенных веревкой с разноцветными лоскутками ткани. Он включал жертвоприношение животных, ритуальные костры, а также хоровод. Здесь мы видим уже новые элементы: дереву приносят дары в виде лент, а также берутся за руки, чувствуя единство сообщества. Сам праздник уже напрямую связан с сезонными скотоводческими работами, плодovitостью скота, предотвращением падежа и болезней, защитой от хищников. В.В. Иванов описывал обряд водружения березы (высотой 4 м) у бурят в день тайлагана. Каждый бурят навешивал на березу ленты белого или голубого цветов [Иванов 1989: 46–47]. В начале лета приносилась жертва, а шкура жертвенного животного навешивалась на березовый шест. Подобную роль играли кедр у таджиков на весеннем празднике, ель — у китайцев [Там же: 46]. У Е.Н. Романовой находим, что представления, связанные с почитанием молодой березки как символа оживающей природы, существовали у многих тюркоязычных сибирских народов, занимавшихся скотоводством, охотой и рыболовством. У алтайских народов слово «чачил» встречается как название праздника березы. Якуты почитали березу как священное дерево, «белые» шаманы обращались к небесным божествам при посредстве березовой ветви [Романова

1994: 54]. В число весенних обрядов у якутов и южных алтайцев входил также обряд развешивания на деревьях саламы, который посвящался хозяйке местности. Обряд проводился в начале лета, в нем участвовали только женщины. У старого дерева устраивали трапезу. Самая старая из присутствующих женщин, став лицом к дереву и на восток, призывала духа — хозяйку местности. Просила ее благосклонности и окропляла дерево кумысом; затем дерево или его ветки обвязывали веревкой, на которую были нанизаны пестрые тряпочки. После этого устраивали хороводы с пением [Романова 1994: 78; Алексеев 1980: 63]. С.С. Лисициан рассказывает об обычае у якутов во время празднования весенне-летнего праздника «Ысыах»: посередине поля вкапывали два двухметровых столба с поперечной перекладиной. Вплотную к столбам привязывали две березки, переплетенные между собой верхушками. Между столбами и березками натягивали веревки, увешанные цветными лоскутками [Лисициан 1983: 14–13]. А.А. Попов отмечает, что во время этого празднества «женщины и молодежь устраивали хороводы вокруг столбов с пением различных песен в честь наступления грядущего лета...» [Попов 1949: 300]. «Ысыах» до сих пор считается семейным праздником и символизирует единение членов рода. Предположительно, это один из древнейших праздников якутов, он был связан с весенним приплодом скота, оплодотворяющей магией деревьев.

Обрядовое установление священного дерева или столба находим у многих народов Европы, Азии и Америки. В.В. Иванов отмечает, что, согласно сведениям старых испанских хроник, некогда у арауканских индейских племен (Чили и Аргентина) дерево было знаком рода в племени, воздвигавшимся наподобие флага, позднее оно устанавливалось лишь у дома шаманки [Иванов 1989: 46]. По описаниям Г.В. Ксенофонтова, душа шамана рождается и воспитывается на небесном дереве, стоящем на границе дня и ночи. Это дерево придает душе шамана силу [Ксенофонтов 2011: 180–181]. Свои камлания шаманы часто совершали у шаманского дерева, которое могло быть представлено простым шестом, сделанным из тальника [Сем 2011: 432]. На рис. 3 шаман и его посох во время камлания связаны веревкой с деревом, на котором вырезан идол, он должен придать шаману мистические силы.

Рис. 3. Ритуал гадания шамана с посохом и идолом-мугды (изображением предка шамана), вырезанным на стволе дерева. Эвенки. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. 1907–1908 гг. [Сем 2011: 383]

Якуты верят, что мужчины были созданы из лиственницы, а женщины — из ели. У германцев также существовало поверье о происхождении мужчин от ясеня, а женщин — от ольхи [Токарев 1986: 217]. У нанайцев родовое охотничье моление осуществляли перед священными родовыми деревьями, устанавливаемыми по количеству родов вблизи селения, маленькие деревца втыкали в землю около жертвенников [Сем 2011: 436–438].

Вышеописанные примеры характерны для охотников, собирателей, скотоводов и не исчерпывают всего многообразия обрядов, связанных с деревьями, у многих этносов. В сельскохозяйственных

культурах деревьям также придается оплодотворяющая сила растительности. У земледельческих народов эти ритуалы усложняются. Здесь можно привести пример с обрядами в Бенине, где плодородие земли олицетворялось в женском божестве Отау. Символом этого божества было дерево, которое сажали перед домом. Этот обычай напоминает обычаи араукан [Иванов 1989: 47]. Дж.Дж. Фрэзер отмечал, что в Западной Африке, в местности Старый Калабар, произрастала пальма: по поверью, бесплодная женщина, отведав ее орехов, могла забеременеть. Дж.Дж. Фрэзер считал, что подобное влияние на женщин и скот оказывает «майское дерево (шест)» [Фрэзер 1980: 140].

Первого мая в некоторых областях Германии крестьяне устанавливали «майские деревья» или «майские кусты» у дверей коровников и конюшен, по одному на каждую корову и лошадь. Считалось, что от этого у коров будет больше молока. В Вестфалии и Мекленбурге веточкой рябины 1 мая ударяли молодую нетелившуюся корову [Календарные обычаи 1977: 157]. А ирландские крестьяне считали, что если на майский праздник привязать к дому зеленую ветвь, то летом молоко польется в избытке [Фрэзер 1980: 140]. Именно с оплодотворяющей способностью древесного духа Дж.Дж. Фрэзер связал распространенный в Европе обычай сажать на майский праздник зеленый куст у дома возлюбленной. «Целью этого обычая было внесение только что пробудившегося, оплодотворяющего духа растительности», — считал Фрэзер [Там же: 146]. В Европе, где издревле живут земледельческие народы, празднества и обычаи, связанные с деревьями в весенне-летний период, устраиваются, по крайней мере, дважды или трижды в год: в марте–апреле, мае и июне. Растения и ветки деревьев в апрельские праздники нередко выступают как обереги от несчастий и болезней. В Италии в шестое воскресенье поста (в народном просторечии, «день оливы») ветки оливы играют большую роль. С эпохи Древнего Рима ветки оливы рассматриваются как амулеты, поэтому после освящения в церкви принято дарить их друзьям и знакомым в знак любви и дружбы [Календарные обычаи 1977: 23]. Во Франции Вербное воскресенье предшествует пасхальному. Освященные в церкви веточки самшита (пальмы, розмарина, лавра) прикрепляют к изголовью кровати, возле камина, в стойлах животных. Освященные веточки крестьяне

втыкали в землю на полях с целью заручиться хорошим урожаем и предотвратить бедствия [Там же: 41]. В Бретани молодежь защищала деревню, бегая с веточками освященного самшита вдоль ее улиц и ударяя по кустам и деревьям, чтобы изгнать оттуда колдуний и фей [Там же: 44]. В Нидерландах, Австрии, Германии и странах Восточной Европы Вербное воскресенье праздновалось с большим энтузиазмом. У европейских народов растения и деревья не утрачивают своей лечебной магии, которая была ранее отмечена у неевропейских народов. Так, в Бельгии пасхальные «пальмы», по народным поверьям, защищали от молнии, язвы в гортани в течение всего года [Там же: 77].

В ночь на 1 мая мужчины отправлялись в лес за деревьями (березой, елью или итальянским тополем), которые устанавливали в центре деревень на рыночных площадях, украшенные цветами, лентами, гирляндами самшита. Вокруг дерева устраивали танцы. Дерево называли «май» [Там же: 45]. В Каталонии также воздвигают «майское дерево», которое представляет собой настоящее дерево, обвешенное лентами, цветами и сладостями, вокруг него пляшут вечером. Обычай устанавливать «майское дерево» распространен и на севере Европы. Первого мая во многих селениях Нидерландов также ставили или простую длинную жердь, украшенную лентами, блестками, мишурой, или настоящее высокое дерево, принесенное из леса [Там же: 81]. В Уэльсе ставили березы, но этот обычай трансформировался, и вместо «майских деревьев» стали устанавливать высокие «майские столбы» и украшать их [Там же: 102–105]. В Скандинавских странах в Вальпургиеву ночь на возвышенном месте ставили высокий шест с перекладиной сверху, а вокруг него выкладывали дрова и поджигали ночью костры, водили хороводы и плясали [Там же: 119]. В германских землях накануне 1 мая парни приносили дерево, очищали его от коры, оставляя только зеленую макушку, украшали лентами, венками, яичной скорлупой, различными фигурками. Вокруг «майского дерева» молодежь водила хороводы и пела песни [Там же: 157]. То же делали и в Австрии. Перед первомайской ночью чехи и словаки также ставят первые деревца, которые называют «май» (máj). Верхушку мая украшают пестрыми лентами, красными платками, калачиками, ниже кроны подвешивают широкий венок из весенних цветов [Там же: 233]. Дж.Дж. Фрэ-

зер описывал, что перед праздником Троицы русские крестьяне отправляются в лес, поют песни, сплетают венки и срубают молодую березу, которую обряжают в женское платье и украшают разноцветными лентами и лоскутками. После этого начинается праздник, а наряженную березу с радостными песнями и плясками приносят в родную деревню и устанавливают в одном из домов, где дерево в качестве желанного гостя остается до Троицы [Фрэзер 1980: 143].

«Майское дерево (шест)» в Европе — ритуал, связанный также с женщинами. В Эльзасе девушка, которую называют «Майская Розочка», несет «майское деревце», украшенное гирляндами и лентами. Ее подруги с песнями собирают у каждой двери подарки [Там же: 147]. В некоторых частях Баварии такие кусты ставят у домов новобрачных; куст стоит до тех пор, пока молодая жена не забеременеет [Там же: 141]. Во Франции, Польше и Чехии перед домом любимой девушки сажали дерево, которое называлось «май» [Календарные обычаи 1977: 45]. Дополнительная семантика дерева, столба, шеста, связанная у сельскохозяйственных народов с плодородностью растительности и женщин, распространяется на символику свадебных ритуалов. Так, малайцы в начале свадебной процессии несут бетелевое дерево [Народы мира 1916: 419]. У лао свадебный обряд совершался перед жертвенными столбами, когда колдун соединял руки вступающих в брак бумажной ниткой (рис. 4) [Там же: 307]. Этнолингвисты собрали интересный материал об обрядах, связанных со свадебным деревцем. Например, на Украине, в Народичском районе Житомирской области (село Давыдки), еще в 1975 г. перед тем, как жених приезжал за невестой, девушки с невестой шли в лес, вырубали там *хвойку* с землей и украшали цветами и лентами. Украшенное деревце называлось *винцэ*. Девушки ставили его перед невестой и пели об этом деревце. В Черниговской губернии, в селе Злеев, свадебное деревце называлось *велцэ* [Гура и др. 1983: 54–56].

В европейской традиции появляется нечто новое, что не встречается у других народов: наряду с традиционными ленточками, привязываемыми к срубленной «майской березе», здесь появляется традиция оплетания дерева (шеста) лентами.

У восточных славян в конце мая проходили празднества — русалии, связанные с русалками и богинками. Русалии сопровождались

Рис. 4. Свадьба у лао перед жертвенными столбами
[Народы мира 1916: 307]

поклонением священному дереву и плетением венков. Венок — женский символ. Кстати, П.В. Шейн, описывая венчальный веночек невесты у белорусов, упоминает, что сзади венка прицеплялись ленты, число которых должно было быть нечетным [Шейн 1890: 2]. Подобный же элемент подвенечного головного убора существовал у украинцев. В. Монгайт обратил внимание, что преимущественная роль в весенних ритуалах, связанных с деревом, принадлежала женской части родового коллектива, а украшениями участвующих в обряде девиц служили венки на головах, например у бурят, якутов, славян — из березы или свежей зелени [Иванов 1989: 47]. Наделение растительности особой магической силой жизни встречается у всех народов. Это культурная универсалия. Например, в ритуалах камчадалов, описанных С. Крашенинниковым, постоянно фигурируют

пучки сухой травы (тоншич). Б. Малиновский описал на острове Бойова (Тробрианские острова) ритуалы и обычаи, связанные с первой беременностью, когда на будущую мать надевают юбку и накидку, сделанные из листьев пальмы, голову украшают цветами красного гибискуса [Малиновский 2004: фото 42]. Здесь можно провести параллель с обычаем наряжения девицы «кустом» накануне Ивана Купалы, когда на нее навешивали зелень из трав, цветов и веток. У белорусов, болгар, сербов, хорватов и других балканских народов девушку, с головы до ног покрытую зеленью и цветами, водили во время засухи по селению. Женщина в данных примерах ассоциировалась с растительностью. Можно предположить, что венки на ее голове, украшенные лентами, символически воспринимались как соответствующий лентам и венку на «майском дереве (шесте)», женщина в венке и шест с венком в символической традиции могли отождествляться.

Семантике дерева в зарубежной и отечественной литературе уделено большое внимание. Майское дерево, семицкая березка, новогодняя елка, обрядовое употребление венков и цветов, зеленых веток, целебных трав, священные рощи как места совершения религиозных обрядов, «мировое дерево», «дерево смерти», «дерево жизни», «дерево познания» освещены достаточно хорошо. В небольшой статье можно ограничиться лишь отдельными примерами ритуалов и представлений различных этносов. С точки зрения логики поклонение деревьям можно рассматривать как общее, ритуалы с «майским шестом» — как частное.

Действа и представления, связанные с «майским деревом (шестом)», имеют сходные черты: наличие реального дерева (или его частей), столбов или шестов; привязанные к шестам ленты, куски материи, пояса и т.д.; хороводы, круговые танцы вокруг шеста или дерева. Если в традициях, например, осетин, якутов, алтайцев ленты — дар дереву, то в европейской традиции ленты получают дополнительную символическую нагрузку. Ленты, веревки символизировали связь, связанность. Если венок и шест утверждали плодородную силу растительности, то ленты, веревки, пояса — связь с этой силой. Европейец не просто приносил дар духам растительности, он еще указывал на свою связь с ней. Новая символическая нагрузка сопряжена с танцем — хороводом вокруг «майского дерева

Рис. 5. Хоровод вокруг «майского шеста» в европейской традиции: фестиваль в Шонберге, 1998 г. [Deutsche Jugend in Europa: 20–21]

(шеста)», в результате движений которого производится диагональное плетение, переплетаются исходные ленты (рис. 5). Появляется плетеная устойчивая конструкция на шесте. Технология плетения в ритуале «майского шеста (дерева)» осуществляется в данном случае коллективными действиями всех участвующих. Это не индивидуальное плетение одной мастерицы, а совместное действие родового коллектива, соседей, ритуал олицетворяет единство сообщества. У скотоводческих этносов данное единство выражалось в хороводах вокруг дерева, шеста, столба, когда люди брались за руки, создавая магический круг. В европейской традиции наряду с традиционными хороводами возникает новая вариация — танец с лентами вокруг дерева (шеста). Если «майское дерево (шест)» имеет охранительное значение у большинства народностей, то можно предположить, что значение оберега распространяется и на плетение. Пояса, рассматривающиеся у большинства культур как обереги, часто выполняются в древнейшей технологии диагонального переплетения. Для плетения часто использовались рогульки (вилки, рогатины), семантически родственные «майскому шесту». Нити закреплялись в середине своей длины на рогульке, и плетение произ-

Рис. 6. Плетение поясов на рогулке [Баландина 1994: ил. 11]

водилось в обе стороны от нее. Этот способ зафиксирован у белорусов, русских, литовцев и финнов (рис. 6).

Анализ ритуалов с деревьями (столбами, шестами) дает возможность выделить различные варианты семантики этих объектов поклонения, которые рассматривались как:

- обереги, магические дарители жизненных сил и здоровья;
- источник магической силы шаманов;
- символы рода;
- источники плодородия (приплода скота);
- источники плодородия растительности, урожая;
- символы единства сообщества.

Если исходить из факта распространенности ритуалов, поверий и обрядов, связанных с представлениями о растительности, у различных, даже изолированных друг от друга, народов, то можно предположить, что это одни из наиболее древних представлений в истории. Возможно, эти представления распространялись не только посредством заимствований, появлялись не только благодаря сходным условиям обитания и деятельности, логики мышления древнего человека, но также имели истоки в единстве происхождения этносов на континентах.

Библиография

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.

Баландина Г.М. Традиционные женские ремесла Пинежья: Ткачество на станке. Плетение и ткачество поясов // Рукоделие. М., 1994. С. 49–88.

Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу // Полесский этнолингвистический сборник: материалы исследования. М., 1983. С. 49–153.

Иванов В.В. Проблемы этносемиотики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 38–65.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX — начало XX в.). Весенние праздники. М., 1977.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки в изложении по подлиннику и под редакцией Н.В. Думитрашко и Л.Г. Каманина. М., 1948.

Ксенофонтов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия: в 2 т. / сост. Т.Ю. Сем. СПб., 2011. Т. 2. С. 180–196.

Лисициан С.С. Армянские старинные пляски / сост. и отв. ред. Э.Х. Петросян. Ереван, 1983.

Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии / Избранное: Динамика культуры: пер. с англ. М., 2004. (Серия «Книга света»).

Народы мира в нравах и обычаях / пер. с англ. С.А. Ратнер-Штернберг, Е.Л. Петри и Ф.И. Павлова. Пг., 1916.

Попов А.А. Материалы по религии якутов б. Вилюйского округа // Сб. МАЭ. СПб., 1949. Т. 11. С. 255–232.

Религии наименее культурных племен: Сборник этнографических материалов / сост. В.К. Никольский, М.В. Бердонос; предисл. В.К. Никольского. М.; Л., 1931.

Романова Е.Н. Якутский праздник ысыах: Истоки и представления. Новосибирск, 1994.

Сем Т.Ю. Семантика шаманских ритуалов (по материалам тунгусских народов Сибири и Дальнего Востока) // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия: в 2 т. / сост. Т.Ю. Сем. СПб., 2011. Т. 2. С. 374–438.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. 4-е изд., испр. и доп. М., 1986.

Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. М.К. Рыклина. М., 1980.

Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и переданные в порядок П.В. Шейном. Т. I, ч. II: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб., 1890.

Deutsche Jugend in Europa. Handbuch zur Jugendkulturarbeit. Band IV / Shenja Dolgomer, Rostam Tasskin, Eckart Redersborg, Rainer Lehni, Rudolf Faff, Nadja Rademacher, Susanne Schüller, Juliane Marquardt. Berlin. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.djo.de/.../handbuch-zur-jugendkulturarbei...